

Читать такие романы, как у известного русского прозаика Юрия Козлова, невероятно тяжело, потому что они у него максимально перегружены некими добавочными смыслами, глубокими философскими размышлениями и параллельными метафорами, но также и отложить эти книги от чтения тоже невозможно, так как каждая строчка его прозы несёт в себе хоть и второстепенное, но тем не менее очень глубокое содержание. В данном случае речь идёт о книге Юрия Вильямовича «Враждебный портной», вышедшей в 2016 году из печати в московском издательстве «Художественная литература», где эта книга появилась на свет не просто в виде неких чрезмерно перенасыщенных ненужными деталями текстов, но целиком представляет собой сплошную литературную метафору. (Мне он подарил эту книгу только летом 2023 года, так что было особенно удивительно читать строки о событиях дней *сегодняшних*, написанных несколько лет назад.) Что ни абзац – то художественный образ, в основе которого лежит сравнение какого-то предмета или явления с каким-то другим образом или явлением на основании их общих признаков.

У Юрия Вильямовича в романе о портном Каргине (как, впрочем, и во всех других его произведениях) такие образы встречаются практически на каждом шагу, выступая как самостоятельные, порой – однострочные произведения. Но самостоятельные – это вовсе не значит, что они были созданы непосредственно им лично. Довольно часто он вводит в свои книги персонажи или эпизоды из русской и мировой литературы, опираясь на фразы и сцены, первоначально промелькнувшие или прозвучавшие в работах у кого-то из других авторов. Так, например, Козлов ещё в ранних произведениях не чурался вводить в свои книги персонажи и образы из чужих книг, как это можно видеть в его романах «Одиночество вещей», «Геополитический романс», «Ночная охота», «Реформатор», «Новый вор» и целом ряде других сочинений.

Как отмечают в своих статьях литературные критики, проза Юрия Козлова относится исключительно к психологической или философской категории, что максимально отвечает духу нашего нового столетия и в ряде случаев несёт в себе предсказания будущего. Но при всей склонности Юрия Вильямовича к серьёзной философичности он постоянно бродит своими мыслями по кромке постмодернистского поля, то и дело заигрывая с цитатами из чужих текстов и жонглируя собственными яркими метафорами.

Метафоры – это вообще любимое хобби Козлова, он рассыпает их по страницам своих книг, как бриллианты по сверкающему паркету. При этом его метафоры настолько яркие и самодостаточны, что вместо того, чтобы улучшать собой качество создаваемого автором художественного текста, они произвольно оттесняют собой глубину (и глубизну) литературного моря Козлова.

Возвратимся к упоминаемым выше однострочным самостоятельным произведениям, которыми усеяны произведения Юрия Козлова. Вот некоторые из его оригинальных высказываний:

«Задумчиво-мрачное лицо Лермонтова, как круглое чугунное ядро, летело над Садовым кольцом поверх суесящихся внизу людей». Или вот: «В спутанных, как нитки в захламлённой шкатулке для шитья, мыслях». А также: «Тело Каргина, влившись в костюм, как в кувшин, приняло его форму»; «В отделе “Современная проза” он высмотрел полку, где, тесно сдвинув плечи корешков, стояли книги его приятеля».

Или же вот такие словесные блёстки, рассыпанные Козловым на дороге:

«Мысль, как проворная лягушка, отпрыгивала в сторону». «Молодые живут с глазами, закрытыми на старость». «Железный поток прошелестел шинами, как новенькими денежными купюрами». «Старость прошивала его насквозь тройной нитью, била в грудь острым клювом». «Простые и примитивные, как жизнь в бесклассовом обществе, изделия». «Спина распрямилась, как водопад». «Слова в её песнях не несли, как верблюды поклажу, смысловой нагрузки. Из разных языков были надёрганы случайные слова, как сорные цветы в поле». Это – уже из двухстрочных метафор.

Вот о таких самоценных строчках я и говорил мимоходом выше, отмечая, что они имеют самодостаточную ценность, которая заслоняет собой суть основных произведений Козлова. В нём один из персонажей романа (а именно – Порфирий Диевич) упоминает по ходу текста колоду карт, которую он извлекает из пачки «обёрнутую в тонкую шуршащую бумагу, как невесту в белое платье». И таких блистательных штрихов, не имеющих, по сути дела, никакой смысловой нагрузки в романе, но сверкающих, словно звёздочки в бархатном чёрном небе,

было в нём превеликое множество, и не заметить этого было нельзя. Ну как обойти взглядом и словом такие словесные перлы:

«Рука ветра одобрительно потрепала Диму по плечу и – одновременно – раздвинула впереди облака, выпустив на небо, как застоявшегося рыжего верблюда на пастбище, солнце». Или же: «Дима долго смотрел на выщербленные, как крышки над побитыми кастрюлями, крыши». А также: «Смерть, как голодная птица зёрна, склёвывала с тарелки земли людей». И ещё: «Во времена СССР Садовое кольцо было просторным, как безразмерное пальто. В него, бесполое, серенькое, неладно скроенное, но крепко сшитое, со временем преобразовалась, как бисквит с ромом, напитанная кровью революционная шинель». Но это уже снова – двухстрочная метафора, а встречаются ещё и трёхстрочные: «Молнии эсэсовскими зигзагами вылетали из туч, вонзались в обитые медью шпили высотных зданий. Шпили на мгновение уподоблялись взлетающим с неподъёмным грузом ракетам. Они рассыпались искрами, расползались по небу светящимися змейками, как если бы гроза была лазерным шоу».

Но шоу не шоу, а то, что мир похож собой на детский калейдоскоп, это точно. Крутишь головой направо-налево, и, словно разноцветные стекляшки в зеркальной трубочке, пересыпаются перед твоими глазами сверкающие миры. Пускай не красочные и не ярмарочные, но в них сам наш быт рассыпается крошками жизни, пока вращается перед нами трубочка сказочного калейдоскопа:

«Жрецы могут отклеить солнце от неба, как почтовую марку от конверта». «Весну тянуло на холод, как закодированного алкаша на водку». «В сейфе у него лежат пять тысяч евро – десять пятисотенных, фиолетово-розовых, как ожидаемый цветок кактуса, купюр». «За окном свистела тёмная пустота...»

И практически с каждой страницы козловской книги свисали, поскрипывая оригинальными образами, лихо закрученные метафоры. Одни – его собственного сочинения, другие – заползшие к нему со страниц других писателей. Вот, например, знаменитая фраза Юрия Олеши из его романа «Зависть»: «Она прошумела мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев». А вот строчка из романа Юрия Козлова «Враждебный портной», в котором видна его неприкрытая переключка с Олешей и в то же время с героем романа Вольтера «Кандид, или Оптимизм»: «Я свой сад давно возделал, и он, можно сказать, отшумел ветвями, полными плодов и листьев». Возделывать свой сад – это идея из романа Вольтера, а ветвь, полная цветов и листьев, – это из романа Олеши.

Читать подобные страницы – всё равно, что перекачивать в своём сознании строчки сочиняемого тобой романа, ощупывая языком сладкие карамельки во рту. Роман Юрия Козлова – это не что иное, как роман-бутафория, роман без реального сюжета, роман из смутно мелькающих силуэтов ближайшего окружения героя на фоне реалистических предметов быта. По большому счёту это роман из одежды, обуви и множества второстепенных деталей, но подлинная жизнь героев романа прячется именно за деталями. Потому что именно с возникновением одежды начинается история человеческой цивилизации.

«Что такое одежда?» – задаётся вопросом двойник главного героя Каргина и сам же на него отвечает: «Не важно, во *что* ты одет. Важно, *кто* тебя одел».

То есть – «мода держит людей в подчинении и узде» – утверждают модельеры.

Несмотря на множество абсолютно ненужных роману деталей, за ними проступает как раз то, что веет человечеству тревогой и приносит в мир подкрадывающуюся к нам опасность. «В завершение мюзикла кружившиеся в матерчатом небе над Красной площадью лазерные голуби с оливковыми веточками в клювах превращались в (натовские?) беспилотники-дроны. Кремль разваливался на куски, как пересохший пасхальный кулич, а отбомбившиеся беспилотники складывались в свещающуюся вращающуюся, как циркулярная пила, свастику».

Если вспомнить, что роман Юрия Козлова писался ещё в 2012–2014 годах, то есть почти за десять лет до начала военной операции в Донбассе, то невольно отнесёшь его к категории провидцев типа Мишеля Нострадамуса, Вольфа Мессинга, Сидика Афгана, Эдгара Кейси и ряда других прозорливцев, сумевших заглянуть из своих дней в наше время. Юрий Козлов (а точнее – его персонаж Каргин) понял, что абсолютно прав был товарищ Сталин, который 9 июля 1928 года с тревогой предупредил нас, что «по мере нашего продвижения вперёд сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться».

«А ведь прав, прав оказался отец народов! К середине восьмидесятых, когда, казалось бы, никаких классов в марксистском понимании в СССР не осталось, именно руководящие товарищи, так называемая номенклатура... вдруг обнаружит звериную страсть к деньгам и собственности».

Вот об этой страсти и говорят в романе Юрия Козлова «Враждебный портной» почти все его персонажи. А ещё более страшно высказывается в очередном своём прогнозе сам Каргин, обрисовывая грядущую жизнь на Земле в очень недалёком будущем. Он говорит нам следующее:

«Что за радость была мне услышать, что дети скоро начнут рождаться от трех и более родителей, причем неважно, какого пола и какой сексуальной ориентации эти родители, главное, чтобы у них имелись хоть какие-то хромосомы. Что вершиной генетического прогресса станет сверхчеловек с половыми органами мужчины и женщины одновременно и что этот человек сможет трахать сам себя... Что США до конца нынешнего десятилетия нанесут по России удар высокоточным ядерным оружием за... несоблюдение прав гомосексуалистов и лесбиянок, а мировое сообщество будет горячо это приветствовать».

Вот какие истины просматриваются сквозь рассыпанные по всему роману красивые детали. Красивые – но очень пугающие.

Роман Юрия Козлова необычайно сложен, и его непросто собрать воедино по разбежавшимся по всей книге словесным ручейкам. Прош- лое переплетается с настоящим и будущим, зло – с добром, любовь – с ненавистью, вражда – с дружбой. Непонятно только, кому нужна рус- ская литература и кто найдёт в себе силы погрузиться в изображённую Козловым реальность. «Миру – конец, если ему больше не нужен ро- ман, потому что по большому счёту мир и есть роман!» – говорится в конце этого сочинения. Но если уж он писателем написан, значит, мы должны его однажды прочитать. Тогда слова о конце мира отступят, и жизнь будет продолжаться дальше. Настоящая, без всяких метафор. Так что ищите смысл под метафорами, ищите правду под красотой.